

Суббота, середина августа, император умер, а он остался. Вообще все слова произошли из имен. Поход к размышлению. Рабочий день выпивал из него всю кровь, а вечером жена с пятилетним сыном довершала дело, так что мысли возникали в нем редко: миганием дальнего света встречному потоку перед участком дороги с притаившимся на обочине патрулем. Ему нравились эти негласные правила на дорогах: то задействуешь дальний свет, то одно-разово аварийку в знак благодарности тихоходу, что при расширении дороги понуро уходил вправо. Вся его жизнь устремлялась к простым правилам, но в отношении людей что-то не задавалось: тестя его повесился по весне – и с тех пор в нем что-то надорвалось: не вера в людей, но вера в будущее.

Все мысли произошли из слов, а следовательно, из имен. За неделю до смерти Аркадий Петрович позвал зятя в гараж под предлогом установки новых брызговиков, поставил перед ним бутылку, от которой Антон обыкновенно отказывался, и завел речь о несправедливости истории. А откуда произошли имена? Тучные слова исходили из его неровного рта, подносье покрыла испарина, очки блестели, как блюдца катаракты на глазах древнего кота. Он говорил о несправедливости истории, но на деле за ней скрывались несправедливость жены и неблагодарность дочери. Будь Антону свойственна наблюдательность, он бы разглядел в этой гараж-

ной пошлости попытку тестя проститься с мнимо близким ему человеком, но никто из них не понимал происходившего.

Вот и сегодня день не задался с самого начала: на крышке заливной горловины бака Антон обнаружил едва явственный скол, кто-то пытался слить бензин. Его затошнило, захотелось закурить, первой мыслью было пойти к жене и... это стало же его последней мыслью. Через несколько часов, беспрепятственно думая о сколе, он вел машину по трассе. В чередке самоуверенных обгонов, когда он стал опережать на повороте нечто большегрузное, на встречной полосе появился внедорожник, если бы тот со скрежетом не затормозил, надав вправо, то всю семью на том берегу Стикса принял бы синезыкий тестя. Фура и внедорожник, ставший на обочине, принялись неистово сигналить ему вслед.

– О чем ты думал, ведь ты мог нас убить! – кричала Арина, вцепившись ему в плечо, пятилетний Милослав заголосил, – он звал его Славой, стыдясь в глубине души своего неучастия в выборе имени сына. Имени, слова и мысли. Антон сбавил скорость до общепотоковой, пристроился за «Нивой», которую вел старик в белом кепи, и принялся доказывать жене, что больше никогда в жизни не пойдет на обгон на участке дороги с небольшим обзором, а сам, внутри проблесковой души, подмечал, что он так устал, так изма-

Тучные слова исходили из его неровного рта, подносье покрыла испарина, очки блестели, как блюда катаракты на глазах древнего кота. Он говорил о несправедливости истории, но на деле за ней скрывались несправедливость жены и неблагодарность дочери.

ялся... И становилось страшно, и перед глазами снова вставал сине-радостный тесть.

От леса веяло спокойствием, машина шла по песчаной дороге, прорубленной сквозь реликтовый бор. Стекла были опущены, левая рука Антона локтем покоилась на дверце, правая – судорожно переключала передачи: вторая-третья-вторая. Под конец ему надоело играть по правилам внезапно являющегося соснового корня или сука, и он перешел на вторую скорость, отключив ближний свет и заглушив бойкое радио. Арина запротестовала, ее муж попробовал было что-то объяснить, но осекся и только отстраненно посмотрел на своего сына, который заголосил, чтобы отец остановил автомобиль и выпустил его с мамой к ближней сосне...

Машину оставили на опушке вырубки. Древорубы постарались на славу: десятина соснового бора была вычищена подчистую, лишь по краям пятака жизнь была оставлена двум-трем молодым кедром, отовсюду из песка торчали верхковые, ржаво-рудные сосенки, однодневки терялись посреди высокой поляны. Антон прежде часто бывал здесь с отцом, поэтому теперь с тяжелым сердцем смотрел на канареечный песок поблизости и гарь, тянувшуюся к трассе. А прежде, бывало, в этих местах они находили столько моховиков, что его мать ночи напролет перебирала рюкзаки да ведра, наполненные иссиня-черной на надresaх плотью гриба. А что делалось, когда шел шишкопад, какими только словами она не крыла их с отцом! Ранние шишки приходилось

варить, зато сентябрьское шишкование непременно оканчивалось засмоленными до черноты ладонями и молочным вкусом спелого ореха во рту, он так любил их, что не брезговал подпорченной бурундуком шишкой, за что получал нагоняй от отца. Именно об этом вспоминал его отец, когда стал совсем плох.

– Папа-папа! Клещ! – кричал метнувшийся из леса Милослав, указывая на левое запястье.

Арина, отскочив от багажника, накинута на мужа:

– В клещевник привез! Ты же погубишь ребенка! Что я тебе говорила! Ты эгоист-эгоист-эгоист!

После того как насекомое оказалось на поверку внушительным долгоносиком, Антон в дедовской – песку под стать – охровой штормовке взвалил на плечи полупустой рюкзак и запер машину. С каждым пройденным шагом в белом семилитровом ведре спокойно громыхал нож.

Гнус в лесу сплошь состоял из вялых с тигриным брюшком комаров, они свирепствовали только в низинах – в брусничниках и черничниках. Милослав потянулся к перезревшей костянике, но мать одернула его, вскричав: «Это вороний глаз!»

– Ты еще скажи, что это белена.

– Не лезь не в свое дело, ты ничего в этом не понимаешь!

Антон усмехнулся и хотел было затеять ссору, но Милослав показал ему вывернутую из земли лисичку. Он тотчас забыл об Арине, осмотрелся вокруг себя и увидел, что опушка пестрит бледно-желтыми жесткими боровыми лисичками. Рука его потянулась к хвостовику ножа, обмотанному синей изолентой.

Арина сорвала пихму и громко понюхала ее, но чем дальше они углублялись в бор – к распадку, где, уверял муж, коробами набирают белые, тем меньше ей попадалось цветов для полевого сбора. Зато каково было ступать по мягкой подстилке из кукушкиного льна: под стопой трещали сосновые сучья, иногда среди пожухшей хвои таилась твердая шишка или ягель был чересчур сух, но это только оттеняло мягкость борового ковра. Настроение сменилось, когда ей в лицо угодила паутина крестовика, она стала снимать с русских волос белесые клейкие нити и вдруг поняла, что готова убить своего мужа. Их любовь выродилась незадолго до рождения Милослава, она была несчастна, но не осознавала этого, пожалуй, и сына она полюбила лишь потому, что ей нечем было занять свое сердце... А имена произошли от бога.

– Папа-папа, а почему под этой сосной так много шишек? – спросил Милослав.

– Столовая какой-нибудь птицы лесной, а вон, кстати, – добавил Антон, указывая на пеструю

птицу, прокричавшую что-то крксное, – видишь, там на сосне – кедровка?

– Но она же сидит не на кедре! – удивился мальчик и стал бросать на муравьиные тропы растребушенную ножку борового. Когда на требуху набиралось довольно количество красных муравьев, он давил их подошвами кед.

Антон вспомнил, как в его возрасте он ходил по июньскому городу, разыскивая сирени, вокруг которых слонялись боярышницы, и сек их прутьями, а иных, оборвав им белые в черных крапинах крылья, кидал на растерзание черным муравьям. Иногда забавы ради он наполнял стеклянную банку бабочками и тряс ею до одури, с любопытством наблюдая за тем, как они кончаются. После смерти нюхать банку было неприятно: сладковатый, тошный дух исходил из нее, вывести его было невозможно.

Арина закричала в двух сотнях саженей на север: она забыла захватить с собой сотовый. Антон пристально посмотрел на сына, протянул ему ключи с брелоком, показал, куда нужно нажать в случае, если они заплутают, а затем сказал:

– До распада осталось совсем недалеко, я прошвырнусь и пойду в вашу сторону.

Милослав смотрел на него с недоверием; чтобы поскорее отправить его к матери, Антон пообещал:

– А там, глядишь, поедем на озеро, тебе ведь там нравится?

Милослав усердно закивал и побежал на зов матери, Антон помахал ей издалека и громко повторил все, что сказал сыну. Наступила тишина. Вершины сосен покачивал ветошный ветер, иногда с глухим треском шишки срывались с высоты, занималось захватывающее молчание, и наконец – раздавался звук удара шишки о замшелую поваленную сосну. Антон прислонился к стволу, поднес к глазам руку и смотрел на то, как рыжий комар благоговейно набухает черной кровью, устроившись на его левой кисти. Прошло несколько мгновений. Будто бы набравшись духа, он прихлопнул насекомое: на кисти проступила алая кровь, комар упал на жесткий ягель.

Вот и все. Скорыми шагами Антон направился к распадку, по правую руку сосны редели, раскрывалась болотина, заросшая хмарным багульником, в отдалении послышался звук отпираемой машины. Слух улавливал и мерный гул трассы, до которой было с лихвой три версты. В белом ведре синели моховики, одинокий боровой перекачивался поверх них. В штормовке Антону было жарко, лодыжки ныли от свежих укусов. Наконец, он добрел до пади и, не глядя на росшие под ногами боровики, двинул-

ся в противоположную сторону от машины, ребенка, жены.

У него не было определенной мысли о бегстве, он был вообще свободен от любой рефлексии на свое положение, на свою смиренную огрызчивость с Ариной. Внутри собственного пустого существа он был уверен в том, что бежит не от жены или сына, которых при прочих равных любил вполне сносно, он бежал от нечто большего. Ему нечего предъявить богу, в которого он не верил. Не верил, но чувствовал настоятельную потребность доказать пустоте нечто, предъявить свой особенный счет бытию.

Антон запыхался, достал из рюкзака термос, отвинтил чашку, ткнул грязным кровавым пальцем в податливый стержень и налил в нее душистого травяного чая. В изнеможении, словно бы исходя весь бор вдоль и поперек без привалов, он опустился на мох и закрыл глаза. Прошло не более пяти минут. В бору отсутствовали птицы, только кедровка единожды гаркнула что-то пакостное, летя в сторону топи. Его клонило в сон, но тут он услышал, как кто-то сигналит в отдалении. Ему подумалось, что Арина потеряла его, что сотовый не при нем и что еще чуть-чуть и... Он с трудом поднялся, потянулся, хрустнув грудными позвонками, сбросил с гачей похухшие хвоинки и уверенно, не думая ни о чем, уверовав в пустоту, перед которой ему должно держать ответ, побрел в сторону, противоположную той, куда звал его истеричный гудок...

